

ТРАГИЧЕСКИЙ САМООБМАН Л. АНДРЕЕВА. (ПРОБЛЕМА БОГООТСТУПНИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ)

С.Э. Сомов

Проблема богоотступничества с особой остротой поднималась в русской литературе в определенные исторические моменты. Так было в 1870-е г.г., так было и в начале XX в. Эти периоды в жизни России характеризовались одним понятием - "революционное раскачивание" страны. Мыслящая часть общества, неудовлетворенная существующим миропорядком, надеялась одним ударом разрубить "гордиев узел"

социальных противоречий. В этих условиях общепринятые христианские идеалы, нацеливающие людей на совершенствование прежде всего внутреннего мира личности, отбрасывались за ненадобностью. Все большее распространение получали различные теории, провозглашавшие единственно существующей волей - волю человека. достаточно совершенного для построения общества будущего. Философские, этические, психологические аспекты проблемы богоотступничества исследовал в своем творчестве Ф.М. Достоевский, показавший, к каким трагическим последствиям приводит людей утрата веры в то, что составляет "соль жизни", "жизнь жизни".

В 1900-е годы богоборческая тема занимала одно из важнейших мест в произведениях Л.Н. Андреева. Однако трактовалась она "наследником Достоевского", как называли Андреева современники. иначе, чем автором "Братьев Карамазовых". Усматривая в христианстве прежде всего способ оправдания зла, существующего в мире, сводя его заповеди к проповеди смирения, непротивления, подавления личности, Андреев связывал духовное раскрепощение с неизбежным отказом от религиозных кандалов, опутывающих человека. Однако на открытый "поединок" с Христом писатель выходит не сразу.

В "Жизни Василия Фивейского" (1903 г.) Андреев боролся не столько с идеей Христа, сколько с трансформацией ее в человеческом сознании. Творчески используя житейно-библейскую форму повествования, писатель дал свою концепцию путей становления человеческого духа. Его "горделивый поп" страстно ищет истины, переживая мучительные духовные метания от пламенной веры к полнейшему отрицанию. Однако поиски "всеобщей правды" по мнению автора, лишены реальной основы и изначально обречены на неизбежное крушение, ибо сущностным состоянием действительности Андрееву представляется непрерывная война между индивидуумами.

Бог ассоциируется в повести с роком, висевшим над головой героя, судьбу которого художник предельно драматизировал. О. Фивейский пытается логическим путем дойти до причин трагического мироустройства в надежде приобрести духовное обетование. Именно в этой надежде на счастье даже за чертой смерти Андреев находит корни веры в "Бога-любовь, Бога-справедливость, мудрость и чудо". Поэтому каждая церковь для него есть "оскорбление неба" и свидетельство о страшной "силе земли"; т.е. силе зла.

По мысли писателя, религиозная вера не дает человеку спасения в этом мире. Не случайно поиски истины на пути богоотступничества для Фивейского столь мучительны, предельно напряжены. Подобно человеку, делающему шаг в пропасть, он пытается найти спасительную опору, отрицая, еще настойчивее, упорнее стремится верить, чтобы укрепить свой духовный стержень. Ему не удается это сделать, что неминуемо приводит героя к гибели.

Внимание Андреева целиком сосредотачивается на личности крайне одинокого, никого не любящего, замкнутого в себе человека. Тем самым писатель ставит своей основной целью не борьбу с верой, а изображение несовершенства человека. еще не приобретшего достаточно духовно-нравственного потенциала для верного

миропонимания и позитивного устройства общественной жизни в соответствии с христианскими идеалами истинной любви и взаимопомощи.

В "Христианах" (1906 г.) можно усмотреть скрытую полемику с Достоевским, доказывающим, что вера в Христа изначально присуща русскому народу. Андреев показал, что внешняя, обрядовая сторона становится для большинства важнее сути религиозной морали. Исследование культа представляется героям рассказа достаточным условием для того, чтобы считаться христианами. Писатель подходит к этому вопросу совершенно иначе: он задумывается над тем, насколько душа нравственно совершенна, чтобы иметь право свидетельствования о своей приближенности к идеалу.

Андреев создал ужасающую картину нравов российского общества, в котором религиозность становится лицемерной маской, позволяющей скрывать истинный облик растленнейшего человеческого существа. Христианская церковь представляется в этом смысле "бесплодной смоковницей", направленность ее интересов далека от провозглашаемых душепасительных целей. Тем самым писатель становится на путь антинормативизма. Он отрицает за социумом какую-либо нравственную ценность и обосновывает необходимость индивидуальной этики. Так главная героиня его произведения в плане нравственного самосознания стоит на целую ступень выше окружающих только потому, что не лицемерит и откровенно признается в своих пороках, совершая нечто вроде публичного покаяния.

"Елеазар" (1906 г.) знаменует попытку писателя оспорить идею бессмертия, разрушить краеугольный камень христианства. В этой иллюзии Андреев видел главную причину религиозности, веры в бога. Он не опускается до уровня всеразрушения и провозглашает необходимость воли к жизни, однако прямо показывает бессмысленность существования перед лицом неизбежного конца. Таким образом, богоборчество в этом рассказе носит опять-таки опосредованный характер: художник не направляет свое перо против "кумира", но разрушает под ним пьедестал.

Рассказ "Иуда Искариот" (1907 г.) расценивался некоторыми современниками Андреева как "апология предательства". Однако подобная трактовка упрощала идейный смысл произведения. В творчестве писателя оно знаменовало стремление философски осмыслить проблему осознания сути Христа обычным, земным человеком. Андреев неоднократно говорил о своей нелюбви к Христу, называл его "великим путаником". Писатель был знаком с труктатом Фр. Нишсе "Антихристианин". Влияние Нишсе, назвавшего Христа, одержимого пафосом сострадания и любви к каждому человеку, "декадентом", на замысел рассказа Андреева несомненно. Но воплощение образа Спасителя оказалось серьезнее и глубже замысла.

Писатель не верил в Божественную сущность Христа. Внимательное прочтение рассказа наводит на мысль, что он "заставлял" себя не верить. Это противоречие так или иначе сказалось на изображении Учителя. Иисус Андреева является земным воплощением идеала братской любви к людям. Однако усомнившийся в Христе писатель оказывается не в состоянии развенчать его идеи. Интересное замечание в этой связи сделал М. Волошин: "Он (Андреев - С.С.) всегда входит в ту дверь, в которую надо, но не идет дальше прихожей". Весь смысл повествования свелся в

итоге к обоснованию тщетности проповеди света среди слепых. Прикоснувшись к образу Иисуса, Андреев ощутил присутствие тайны и оставил за Сыном Божиим право обладания смыслом сложным и глубоким. Желал того писатель или нет, но если и остается в рассказе неразгаданная тайна, то это тайна не Иуды, а Христа.

Иуда является воплощением идеи, опровергающей Спасителя. Несомненно, что в трактовке образа предателя отразились мировоззренческие противоречия самого Андреева. Не случайно этот персонаж "двоится". Однако часть его существа инстинктивно стремится к добру и любви, а другая постоянно находит подтверждение, что зло в этом мире неотвратимо. Предавая Учителя, Иуда проводит нечто вроде чудовищного эксперимента над собой, над Иисусом, над людьми. Андреев выстраивает цепь доказательств порочности рода человеческого и, наконец, приходит к выводу, что нат Человека на Земле. Следует подчеркнуть, что характер Иуды создавался под влиянием А.Шопенгауэра, философия которого воспринималась Андреевым как апология воли.

Бунт Андреева, нашедший выражение в содержании рассказа, сродни бунту Ивана Карамазова. "Убить Бога, унижить его позорной смертью, - это... не пустячок", - заявил автор. Но, как предупреждал Достоевский, "бунтом жить нельзя". Андреев, как и герой его рассказа, не избежал трагического самообмана. Расценивая борьбу с Богом как проявление действительной силы воли, писатель невольно подталкивал и себя и читателя на путь духовного саморазрушения личности.

Однако следует заметить, что богоборчество Андреева, какими бы трагическими противоречиями оно не было отмечено, лишено доминирующей черты известного нам богоборчества - бескомпромиссной фарисейской уверенности в истинности предлагаемого простейшего рецепта построения на земле "Царства Божия" без Бога. Писатель не берет на себя традиционную для русской литературы роль учителя жизни и спасителя человечества, сознательно не ставит своей целью дать рецепт исцеления духа. Он констатирует болезнь, изображает человека глубоко порочным, несовершенным существом. Однако это обстоятельство не позволяет нам считать писателя мизантропом, ибо оно порождается не жадной пыткой человека, не ненавистью или презрением, а глубоко гуманным чувством сострадания к нему.

Горький исторический опыт духовного распада заставляет нас более осторожно рассуждать о необходимости пересмотра тысячелетиями выработанных общечеловеческих ценностей, суть ценностей христианских, являющихся для нас основными критериями человекоподобия. Судьба богоборческих произведений Андреева свидетельствует о том, что они должны быть осмыслены не только как литературные явления, но и как проступок, имеющий определенные этические последствия как для читателя, так и для самого художника.